

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

«Памятка» — в напоминание (к двум датам биографии Ю. К. Щуцкого)

М. В. Баньковская

1997 год был богат памятными для востоковедения датами, которые в большинстве прошли незамеченными. В их числе — столетие со дня рождения монголоведа Н. Н. Поппе и столетие со дня рождения китаеоведа Ю. К. Щуцкого. В один год рожденные годы смерти получили из рук судьбы с разницей более полувека: Поппе до своего столетия не дожил всего 6 лет, Щуцкий — 60.

«Юбилейная» цифра 60 (юбилей, *Jubilaeus* — празднование годовщины, так что в данном случае следует ставить кавычки) на страницах газет — тех, конечно, в которых душа жива, — в прошедшем году коснулась всех решительно областей, всех сторон жизни страны и культуры. Огорчительно, что востоковедение, заплатившее 60 лет назад чудовищную дань большевистскому Молоху, особого поминания не удостоилось, хотя еще в 1990 г. был напечатан мартиролог «Репрессированное востоковедение» [1], в котором 1937 и 1938 гг. в датах жизни (смерти) повторяются с поистине маниакальным постоянством.

В 1937—1938 гг. из одного только Института востоковедения ушли в тюрьмы около 40 ленинградских востоковедов, а штат довоенного Института никогда не превышал 90 человек. 24 ноября 1997 г. на заседании ученого совета индолог Я. В. Васильков, продолжающий работать над подготовкой сильно разросшегося за прошедшие семь лет (всплыли и продолжают всплывать все новые имена) переиздания мартиролога, огласил имена расстрелянных в этот день, один только этот день — 24 ноября 1937 г., двенадцати востоковедов (возможно, считает Васильков, было и больше). Вот этот поминальный список:¹

Б. А. Васильев, П. И. Воробьев, Д. П. Жуков, Г. И. Ильвес, Мори Миноро, Н. А. Невский и его жена Исоко Мантани-Невская, В. С. Пухов (Хуан-цзе, Хо Фу), М. И. Тубянский, Тэн Хан-лин, И. П. Хван, В. Е. Чикирисов.

Ю. К. Щуцкого в этом списке нет — он шел по другому «делу» и попал в другую очередь расстрельного конвейера, его дата — 18 февраля 1938 г. В отличие от двенадцати «шпионов и диверсантов» Щуцкий оказался участником контрреволюционной организации анархистиков «Орден тамплиеров», о чем я скажу в конце публикации. А сейчас, памятуя о юбилейной без кавычек дате — столетии со дня

¹ Краткие сведения об этих ученых см. в Индексе имен. См. также работу Е. Н. Невской в предыдущем выпуске альманаха (Вып. 8. СПб., 1996).

рождения (23 августа), хочу представить свидетельство научной юности Юлиана Щуцкого — никому не ведомую сатирическую балладу о сотворении Азиатского музея (АМ), написанную им в начале 1921 г. в соавторстве с Борисом Васильевым. Хочется думать, что их голоса, не потерявшие живого звучания, вызовут отклик и у тех, кому набили оскомину роковые темы, кто почему-то считает себя вправе от всего этого устать.

Листки с красивыми, хотя чернила побурели и поблекли, летящими строчками пролежали 77 лет в отдельном ящике книжного шкафа, в котором мой отец В. М. Алексеев хранил бумаги «Малой академии». О заседаниях «Малака» типа наших капустников, которые проходили на квартирах востоковедов в 20-х — начале 30-х годов, писалось уже не раз [2, 3, 4]. Первое собрание состоялось 12 января 1921 г. К нему, судя по всему, и предназначалось творение Щуцкого и Васильева — главных, не считая Алексеева, застрельщиков, авторов и исполнителей программ «Малака». В то время они еще студенты университета (оба поступили в 1918-м), но уже сотрудники АМ, так что заведующий китайским отделом Алексеев мог назвать их своими «деятельными помощниками, исполненными научного энтузиазма и солидных познаний в китаеведении» [5, с. 203]. Стихотворный шарж «Еще более краткая Памятка АзМуза» пародировал вышедшую за год до того брошюру: «Азиатский музей РАН. 1818—1918. Краткая памятка» [6], приуроченную к столетию Музея и содержавшую 12 очерков о главных его отделах. АМ стал в те годы, по словам Алексеева, центром всех ориенталистов не только Петрограда, но и приезжающих, и, полностью одобряя подобное расширение, Алексеев замечал и его издержки: «Нет тишины. Приходят, как в клуб, — Бартольд, Щербатской, Самойлович...» [7]. Эти постоянные посетители Музея встретятся и в «Памятке», отразившей положение вещей причудливым и в то же время точным образом, в числе 23-х, за малым исключением безымянных, азмузовцев, метко переименованных Щуцким в азмузиатов.

Авторы «Памятки» — оба фра (иногда для смеха фры), как назывались они не только в программах «Малака», но и шире, — писали свою юмористику сообща — настолько сообща, что теперь разделить авторства этих братьев по ордену трудно, да и ни к чему. Вслед за «Памяткой», а может быть и одновременно, была написана Васильевым «История трех трубадуров» (она же «Легенда...» или «Сказание...»), в которой несомненно принимал участие и другой фра [4, с. 486] — многие моменты «Памятки» перекликаются с «Трубадурами» самым непосредственным образом.

Щуцкий в «Жизнеописании» [8] весьма скупое оценил такие свои дарования, как владение стихом и рисунком, и совсем не удостоил внимания талант каллиграфа. Алексеев же считал его единственным владеющим этим искусством среди вообще всех китаеведов. Дар каллиграфа проявлялся не только в начертании иероглифов, но и в удивительном владении несколькими почерками, которые на первый взгляд

кажутся принадлежащими разным людям, и только внимательное сличение букв изобличает одну руку. Так и «Памятка» написана двумя почерками Щуцкого, что никак не отрицает соавторства обоих фра.

Щуцкий и Васильев — дети своего времени, усвоившие его лихость поверх добротного образования классической гимназии. Легко вообразить, как писали они эту свою фантазмагорическую «Памятку» в каком-нибудь укромном закутке между азмузовских красных шкафов, увековеченных много лет спустя И. Ю. Крачковским [9, с. 77], а в это время по другую сторону шкафов ничего не подозревающие прототипы их химер вели ученые беседы над рукописями Ближнего и Дальнего Востока. Само собой разумеется, что «Памятка», как и все шаржи «Малака», писалась на злобу дня, ныне давно ушедшего и позабытого. Как могла, я пыталась что-то из этого забытого напомнить, чтобы сделать понятней подоплеку, и раскрыть закамуфлированные образы. В этом, как оказалось, совсем непростом деле приняли участие индолог Я. В. Васильков, арабист А. А. Долинина, китаеведы А. С. Мартынов и Л. Н. Меншиков. И все же некоторые моменты остались до конца не выясненными, а лица неопознанными. Быть может, найдется читатель, который сумеет решить заданные Щуцким и Васильевым загадки. Но и вне этих увлекательных головоломок «Памятка» пленяет самым своим настроением — настроением, без которого не мог бы состояться в те далекие годы удивительный подъем российского востоковедения, его «золотой век». Чтобы читающий почувствовал тональность, ритм произведения, убедительно советуем сначала прочесть текст в его цельности и лишь затем вернуться к нашим пояснениям.

Еще более краткая Памятка АзМуза

Мы не любим чрезмерного здоровья,
отражающегося на мирозерцании
(Деяния Шмашанапати, V, B, (α)^{1, 2}, 22,
b, γ, Ѡ, Ѡ, и многое другое... лень писать)

I

Хаос (нечто треугольчатое)

Извечный мрак... Извечный мрак,
И только слышно: «Как, как, как?!»
То вьется в безднах Альденбук,
Пенсне его дрожит... И вдруг
Он вверх взлетел, ввинтятся, как штопор,
И дикий ветер дует в ж... илет.

С. Ф. Ольденбург для этих молодцов — «дед» в науке, несомненно «внуками» почитаемый и любимый, но здоровый инстинкт сопротивления всяким водружениям на пьедестал толкает их на озорство. Нет основания думать, что подобные шуточки делались за спиной

Сергея Федоровича, который собрания «Малака» посещал (может быть, не все, но посещал). Вернее допустить, что хотя он, по свидетельству Алексеева, был вообще не чуток к анекдоту и не любил тратить время на все недостаточно серьезное, в других это не порицал и уж, конечно, был далек от наложения каких-либо запретов, следуя главному своему принципу: «умению подойти к каждому, не вторгаясь в уклад его жизни, не враждуя с его особенностями» [5, с. 13].

Зафиксированное с точностью магнитофонной записи энергичское «как, как, как» вьющегося штопором Альденбука — это то, что всегда и всем бросалось в глаза: необычайная быстрота, подвижность Ольденбурга. В одном из шаржей Алексеева академик Вольтеншпрунг (Sprung — прыжок) дает научную консультацию на лестнице при переходе с 12-го на 13-е очередное заседание — то же и в других шаржах. Кроме этой, ставшей нарицательной прыти, за Ольденбургом был закреплен также ставший нарицательным оптимизм: «Академик [Вольтеншпрунг] заключил нас в объятия, пожелав быть оптимистами». Оптимизм Сергея Федоровича уже не в шутку, а всерьез Алексеев назвал воинствующим [5, с. 24 и 29].

4 апреля 1993 г. на посвященном С. Ф. Ольденбургу вечере в цикле «Былое и думы», который уже несколько лет ведет Е. Б. Белодубровский, покойный Ф. Ф. Перченоч прочел отрывки из дневниковых записей Сергея Федоровича, полных отчаяния, доходившего до суицидных галлюцинаций.

Не знаем, много или мало
 Был самосущим Альденбук,
 Но, наконец, душа устала
 И попросилась на досуг.
 Тут за творенье он и взялся —
 Из глины слеплен Бедуин,
 Но был он крив и заикался —
 Так вышел комом первый блин.

В своей резвости пишущие не остановились и перед такой фигурой, как В. В. Бартольд, которого Алексеев назвал гигантом факультета, последним из могокан комплексного востоковедения, после ухода которых «каждый будет смотреть на Восток из своего уголка, а целого Востока не увидит» [5, с. 191]. «Культурные миры требуют комплексного изучения...» — на этом Алексеев стоял твердо сам и внушал своей смене.

Во всех аттестациях Бартольда всегда говорится о его суровости — Алексеев делил его критику на «суровую» и «очень суровую» [5, с. 85]. Судя по вольности, которую позволяли себе младшие сотрудники АМ, бояться следовало именно критики, но не самого Василия Владимировича.

В легенде о трех трубадурах Бартольд — Бородатый Ольд, Тамплиер. Духовно-рыцарский орден тамплиеров был призван к защите от мусульман паломников и христиан. Бартольд был председателем — главой созданной при АМ в 1921 г. Коллегии востоковедов, которая

несомненно была защитой от лезущих в науку выдвигенцев-образованцев. Скажи тогда Щуцкому в том, 21-м году о «деле тамплиеров» в году 37-м, ничего бы, конечно, он не понял, но желание острить потерял.

Но вернемся пока в 21-й.

Засим — он создал много хлама
И, чтобы оный разобрать,
Подумал и родил Имама,
За ним и иудеев рать.
Тут Лурье, Гурвич, Салье, Эрлих —
Красавица Ливанских гор,
Поистине об этом перле
Не раз бывал кровавый спор...

И. Ю. Крачковский, избранный в 1921 г. в Академию, замещал Ольденбурга во время его частых поездок, и в документах АМ мелькает его подпись. Лурье — очевидно, С. Я. Лурье. В сборнике «In memoriam» (посвященном Ф. Ф. Перченку) опубликована его переписка с отцом, главная тема которой — книга об античном антисемитизме, над которой работал Лурье-сын. Кем был Гурвич, узнать не удалось. М. А. Салье — переводчик «1001 ночи» — попал в иудеи, видимо, по ошибке. Р. Л. Эрлих была ученицей Крачковского, но затем увлеклась эллинистикой. В «Трех трубадурах» эта «измена» предстает как роковая любовь к Питеру Фламандцу — античнику П. В. Эрнштедту «прекрасной, но несчастной Рогнеды-сарацинки, той самой, что... изяществом и учтивостью манер поражала сердца многих» [2, 4]. Судя по всему, у Рогнеды Леонидовны был, что называется, характер, потому и отпускались по ее адресу порой ядовитые шуточки. Щуцкий и Васильев не могли знать, что их коллега и сверстница умрет в 30 лет.

Века текли... Немало прочих
В Азмуз, его же имя — Рай,
Стеклось... Они и дни и ночи
Возделывали сирий край.

В числе «прочих» летом 1918 г. в Отделении книг на европейских языках появилась первая в истории Музея женщина-сотрудница — только что закончившая университетский курс у Б. А. Тураева Н. М. Дьяконова (впоследствии Алексеева). В немногих, но ценных своей непосредственностью дневниковых записках и в написанных полвека спустя воспоминаниях, а также и в письмах, которыми обменивалась Наталия Михайловна в последние свои годы с живущим в Париже бывшим азмузовцем С. Г. Елисеевым, — всюду АМ называется не иначе как рай, райский уголок, так что «имя — Рай» никакая не ирония. А между тем в том раю бывали и адский холод, и близкое к голоду хроническое недоедание. Забавно выглядит теперь обращение Алексеева в Пайковую комиссию КУБУ с ходатайством об академических пайках для сотрудников АМ Ю. К. Щуцкого и Б. А. Васильева «ввиду их больших достоинств, свидетельствующих о научной потенции и про-

явленных, хотя лишь отчасти, в напечатанных уже («Антология китайской лирики» Щуцкого) или печатаемых («Четверостишия Бо Цзюй-и» Васильева) работах». Дата — 27 октября 1922 г., а в 21-м было много хуже. И все же Азмуз был рай благодаря особой, по слову Крачковского, установившейся в Музее атмосфере, в которой «работалось легко, несмотря на все тяготы, выпавшие Петрограду в ту эпоху» [9, с. 73—74]. «Памятка» передает вживе эту особую атмосферу, хотя авторы и не ставили перед собой такой цели.

Тут были двое из Атлантов,
Тайком удравших из могил.
Тут между пыльных фолиантов
Агривный Ариман бродил.

Атланты — это сами фра... Невольно вздрагиваешь, дойдя до этих строчек. В шарже «Послания атлантическим народностям», написанном председателем «Малака» Е. Э. Бертельсом, Щуцкий и Васильев названы так же: «Атланты сидят средь высоких шкапов, атланты — они же лемуры». Смысл прозвания ясен: атланты, лемуры, согласно теософским воззрениям, представители населения затонувших Атлантиды и Гондваны, т. е. пережитки минувшего. Но в энциклопедии «Мифы народов мира» есть и другое значение: «Лемуры в римской мифологии призраки мертвецов, не получивших должного погребения, преступно убитых»... Однако может быть и так, что, называя себя в шутку атлантами, авторы-китаеведы имели в виду то, о чем серьезно и проникновенно будет говорить Щуцкий в своем «Жизнеописании»: «Культура Китая содержит в себе наследие той поры в истории человечества, о которой греческий миф рассказывает как об Атлантиде» [8, с. 59]. И дальше: «Многое из того, что говорил Н. Я. Марр о самых ранних ступенях развития языков, иногда дословно повторяет то, что известно в антропософической литературе об Атлантиде. Яфетиды сильно напоминают позднейших атлантов» [там же]. В 21-м году Щуцкий, как и очень многие, особенно молодые, востоковеды с увлечением воспринимал идеи Марра. По словам Алексеева, Марр «внес в китаистику нечто неожиданно новое, внес и тотчас же увлек за собой как совершенно зрелых китаистов (проф. Ю. К. Щуцкий), так и начинающих...» [5, с. 30]. Увлечение не помешало превратить Марра в «Трех трубадурах» в страшного волшебника, «основавшего орден и назвавшего его Фа, но что это значило, никто не знал, кроме него самого» [4, с. 487], — в это самое время Марром был создан Яфетический институт. Но в «Памятку» Николай Яковлевич почему-то не попал, видимо не пришелся к сюжету.

Следующие, связанные рифмой с предыдущими, строчки, по видимому, серьезных подоплек не имеют — только смех. Зоастрийский дух зла Ариман, как я в том почти полностью уверена, это не кто иной, как мирный, добродушно флегматичный (не без занудства) А. А. Фрейман, один из самых давних и постоянных посетителей Музея (а может быть, и внештатный сотрудник). Ариманом он мог быть назван и по созвучию имен, и по принципу контраста. В воспоминаниях Алексеева

«Студент на рубеже столетий», написанных в поздние уже годы, молодому Александру Арнольдовичу ретроспективно дана такая характеристика: «Серьезный студент, не знавший студенческого детства... его величали пан Фрейман» [5, с. 286]. Что значит «агривный», никто толком сказать не мог. Не исключено, что это производное от латинского (латынь была в ходу) *aggravo* — «отягчать уликами», «уличать», т. е. — дотошно придирается к молодежи. Можно было бы предположить и связь с медицинским термином «агравант» — мнительный, что соответствовало натуре «пана Фреймана», а в приложении к Ариману было забавно. Однако обе догадки неубедительны, т. к. в обоих случаях должен был бы быть эпитет «агравный», а в рукописи четкое «и».

Стекали мирно годы в Лету,
 Все было тихо-скромно, вдруг
 Хвост Винерической кометы
 Узрел в пространствах Альденбук.
 Он рек: «О, чада! Я повержен!
 Се есть весьма недобрый знак!
 Я негодую, я рассержен —
 А вы молчите? Как, как, как?!»

С. Е. Винер — самый старый из всех азмузиатов — работал в АМ с 1887 г. В книге Крачковского он — «оригинальная фигура, появляющаяся вечно с боязливым видом... всегда не по прямой линии, а описывая какую-то параболу (может быть, эта парабола и стала „хвостом кометы“? — М. Б.). Ученый еврей, большой знаток не только своей специальности, но и русской книги XVIII века» [9, с. 68–69]. Над Самуилом Ефимовичем посмеивались уважительно. В дневнике Н. М. Дьяконовой о нем замечено: «Сам о себе говорит: я же не ученый, я только библиограф». Не часто можно услышать такое от знатока.

По поводу «Негодую... рассержен...». Ольденбург, по определению Алексева, «начальник без начальнических окриков и аллюров... допускал всевозможные разногласия, переходившие иногда в тяжелые сцены, как между родными людьми» [5, с. 24, 25]. И не только младшие чада, но и те, что постарше, как и сам Алексеев, попадались под экспрессивный ольденбургский разнос.

II Явление

Нависала туча черная,
 Приходил Димитрий-страж,
 Говорил он: «Что за блажь!
 Застопорилась уборная!
 Обвалился потолок,
 И с небес спустился Залеман,
 Что поделаться с ним, не знали мы
 И удрали, кто как мог.

Видно, светопреставление!
Винер чтой-то оживлен,
Сбавил дюжину кальсон,
Чтоб избегнуть их истления!»

Д. А. Брядов — технический сотрудник, а по-тогдашнему сотрудник АМ. В книге Крачковского увековечено имя этого талантливого самоучки из крестьян, достигшего совершенства в таком трудном деле, как фотографирование восточных рукописей [9, с. 72–73]. Среди архивных документов фонда с делами РАН не раз встречаются свидетельства жизни Дмитрия Алексеевича, в которой отразилась наша история, как в капле воды — океан. Его письмо к Ольденбургу [10] с мольбой выволить из лап ярославского ЧК (летом 1920 г. командированный в Ярославль Брядов был схвачен как «дезертир трудового фронта») начинается умильным обращением: «Дорогой барин Сергей Федорович...» В разных местах фонда встречаются многократные ходатайства Ольденбурга о награждении Брядова за безупречную работу в АМ. Последнее, 1928 г., было отклонено «ввиду отсутствия у т. Брядова общественных заслуг».

К. Г. Залеман, умерший в 1916 г. директор АМ, имел характер, по определению Алексеева, генеральский и любил покрикивать на персонал, который так и называл: «meinen Soldaten». Баллада Алексеева «12 часов, или Серьги сестрам» кончается явлением в полночь тени покойного директора: «...во мраке и стуже музея отчетливо слышится крик: Herein! Wer ist da? Du, Dmitri?...» Карл Германович мог быть суров, мог быть и придирчив в своей фанатичной преданности библиотечному делу, но зато при его директорстве книги не горели. Крачковский запомнил примечательный спор между молодым еще Ольденбургом и его учителем Залеманом о том, что существует для чего: книги для людей или люди для книг? Ольденбург настаивал: «Книги для людей!», Залеман парировал: «А не люди для книг? Это для меня еще очень большой вопрос!» [11, с. 133].

И снова — Винер, чья комичная закутанность во все имеющиеся одежды служила постоянной мишенью для остроумцев (в балладе Алексеева — «33 шубы»), так же как его чудовищный акцент, который будет слышен в четвертой главе.

«Так, так, так! — сказал Имам,
В Абиссинских роясь книжицах, —
Букв не стало... Через ижицу
Начал я писать Ислам».

«Так, так, так» Крачковского зафиксировано с той же точностью, что и «как, как, как» Ольденбурга. То же и в балладе Алексеева «12 часов»: «Так, так, хорошо... — говорит, а взор удирает далеко...» — по книжным полкам, разумеется. «Букв не стало» после реформы 1917–1918 гг., когда были отменены ижица, фита, ять и твердый знак в конце. Привычка к ним ушла не сразу, и в письмах 20-х годов то и дело встречается «ять».

У Атлантов — тоже странное:
Сяньшэн в форточку влетел
И на третий глас пропел
Все молитвы покаянные...

Сяньшэн-учитель Алексеев не раз обращал к молодым китаеведам неформальные, не предусмотренные никакими программами речи (например, «Эмоции востоковеда» — речь, произнесенная в том же 21-м году в «кружке начинающих востоковедов», входившем, судя по всему, в «систему Малака»), в которых со всей открытостью рассказывал о собственных ошибках и промахах, дабы уберечь свою смену от их повторения. Примечательно, что именно эту черту особо оценил ныне И. С. Смирнов, представитель внучатого по отношению к Василию Михайловичу поколения: «...В. М. Алексеев воспитывал учеников, не стесняясь разворачивать перед ними „свиток“ собственных упущений и заблуждений» [12].

Вдруг раздался свист и гром,
Осветилась вся читальная,
Нечто въехало Астральное
И повисло над столом...
Чрево вервьем опоясано,
На грудях его печать:
Шесть, и шесть, и шесть опять,
С неба глас был: «Се Гаджасана!»

Так, после всех вещей предзнаменований, происходит явление (потому и глава — «Явление») центральной фигуры — Е. Э. Бертельса. «Гаджасана» на санскрите — «слоновый зад» (в легенде о трубадурах — «Derriere d'elephant»). Неблагозвучное это прозвание было дано Евгению Эдуардовичу после того, как на одной из вечеринок он нечаянно сел на пирог, неосторожно поставленный на табурет. Бертельс старше Васильева и Щуцкого, но был с ними в дружбе, и в одном из шаржей Алексеева так и назван: «их третий друг», что не мешало обоим фра и Алексееву прохаживаться по его адресу при каждом удобном случае. Исследователь суфизма был и сам склонен к разного рода медитациям, и в алексеевских опусах не раз назван медиосафом. В легенде о трубадурах он — духовник трубадура Жюля, т. к. в эти самые годы ввел Щуцкого в петроградский кружок антропософов [8]. Все сказанное объясняет без всякой мистики зловещее определение — «нечто Астральное» (оно будет повторено в эпилоге), да еще с добавлением апокалипсического 666. И все же на душе от этой шутки худо — так же, как от «Атлантов, тайком удравших из могил», худо, если знать, что Бертельс окажется со временем доносителем на своих коллег, что зафиксировано в документах Большого дома [13].

Не нам судить — говорят в таких случаях, и правильно. Но не нам и молчать. (Думается, что принятое в некоторых опубликованных работах «Б.» ничего не меняет.) Можно негодовать (увы, судя по

документам, Бертельс вел себя у следователя как исправный шварцевский «отличник»), можно и сожалеть: он был, без всякого сомнения, «жертвой века», хотя и не был никогда «мучеником догмата», о чем свидетельствует, например, в своей балладе Алексеев: «...он знает и то, что сейчас идет как слушок незаметный. Знакомый ему сообщил, знакомая клялась, божилась, что завтра не позже чем в час придет *coup d'état* (государственный переворот. — М. Б.) вождеденный». В «Изводе повести о Юлиане-отступнике» Алексеев дал Бертельсу имя Верьтес, в котором так и слышится «верьте-с» — видно, верили не очень и вообще к его словоохотливости относились с иронией, добродушной. Нет, мучеником догмата Бертельс не был, но был мучеником страха: в начале 20-х он уже подвергался аресту и был вызволен из заключения хлопотами Ольденбурга. Так что — не нам судить. Но... слова не выкинешь не только из песни.

III

Воплощение

Окрепло, и сгустилось,
И в кожу облеклось,
Панамкою прикрылось,
К конторке подошло:
«Нельзя ли Зенд-Авесты
Хотя б заглавный лист?!
Я положу на место.
Ведь на руку я чист».

«Астральное нечто» воплощается в образ, который далее обретет еще большую конкретность. Из примечательной оговорки «ведь на руку я чист» ясно, что с рукописью Зенд-Авесты была связана какая-то история, в которой Бертельс дал к такой оговорке повод. По этой причине, как следует из дальнейшего, поиски вождеденной Авесты не встречают отклика у сотрудников, которые слишком хорошо знали рукописям цену: «работа над рукописями и фондами была основным нервом и наполняла всю жизнь Азиатского музея» [9, с. 76].

Буддоподобный некто
В величии своем,
Пия чернильный нектар,
К мольбам остался нем.
«Ах, нет — так и не надо.
Пойду и сам возьму.
А то какого ляда
Тут кланяться ему?!»

Среди записей, которые заносила в дневник в 18-м году Н. М. Дьяконова, с острым интересом наблюдая своих новых знакомцев — ученых мужей АМ, есть и такая: «Смешно, что каждый из них, на мой взгляд, носит отпечаток той национальности, которая составляет предмет его специальности». Буддоподобен и величествен, к тому же

демонстративно молчалив бывал Б. Я. Владимирцов — но только в отношениях с людьми ему неинтересными или неприятными. В дневнике совместной с Владимирцовым поездки через Монголию в Китай (1926) Алексеев не раз отмечал манеру Бориса Яковлевича «фыркать» на людей, общение с которыми грозило напрасной потерей времени. Понимая и разделяя подобное «высокомерие», Алексеев все же его не одобрял и выражал свое неодобрение открыто: «Болтаем с БЯ о его высокомерии», — записано в дневнике. Зато с людьми, близкими по духу, Владимирцов был «искренний и откровенный до конца» [5, с. 46], и беседы с этим своим, быть может, самым близким другом Алексеев ценил особо, отмечая их в дневнике как нечто важное и радостное, но, за краткостью записей, не пересказывал — к сожалению. Это же сожаление и в воспоминаниях об АМ Н. М. Алексеевой: «Часто к моему столу подсаживался Владимирцов и развивал мне какие-то заумные идеи и теории на космические темы — очень жалею, что я их тогда не записала, Борис Яковлевич был большой фантазер». Добавлю к этому запись, сделанную в дневнике 19 сентября 1918 г. — в день открытия Буддийской выставки: «Сегодня слушали вступительную лекцию Владимирцова... Какая оригинальная манера чтения: несколько приподнятая, немного „с истерикой“, как выразился Елисейев, а по-моему, прямо вдохновенно. Он не читает, у него и листочка не было, а точно рассуждает с самим собой. И никакой воды, никаких лишних слов...»

Но, однако, не менее, а пожалуй, еще более Владимирцова буддоподобен был Ф. И. Щербатской, который не был сотрудником АМ, но бывал там постоянно и мог попасть на перо. Хотя, судя по всему, в тексте подразумевается именно Владимирцов, но и Щербатской был настолько заметной фигурой, что достоин представления. Физической величине Федора Ипполитовича соответствовала научная — его первенство в мировой буддологии, как пишет Я. В. Васильков, представлялось неоспоримым уже его современникам [14]. Ученый и мыслитель Щербатской в те годы не сторонился и насущных политических проблем: в 1922 — 1923 гг. в Лондоне он оказал немалую помощь советской дипломатии, участвуя в переговорах, которые завершились прорывом дипломатической изоляции Сов. России [Там же]. Несомненно, в этого рода успехах Федора Ипполитовича немалую роль играло его не напускное, а врожденное величие — величественная буддоподобность, которую он сохранил до конца дней. Ф. И. Щербатской умер в 1942 г. в Северном Казахстане, на могильной плите была вырублена составленная Алексеевым надпись: «Он объяснил своей стране ум древних мыслителей Индии». (Вряд ли сохранилась эта плита на кладбище в степи за поселком Боровое.)

Пошел по книжным кряжам
Меж Гинцбургских гор,
Где onkel Teddi стражем
Сидит с извечных пор.

И. И. Гинцбург, как говорит в некрологе ему Крачковский, трудился, главным образом, в области еврейско-арабской средневековой философии, готовил каталог еврейских рукописей. Продолжая это занятие и в осажденном Ленинграде, умер от голода зимой 42-го [15]. В АМ его рабочий стол, как у всякого рукописника, конечно, должен был быть завален разного рода справочниками.

Ф. А. Розенберг — «наш Onkel», как называли его не только пишущие «мальчики», хотя ему тогда было всего-то 54. Из всех деятелей АМ он был лицом, его полнее и глубже всех олицетворявшим. «Ему не в меньшей мере, чем С. Ф. Ольденбургу, Азиатский музей обязан тем, что стал центром востоковедной научной работы в Ленинграде, учреждением дорогим и близким сердцу каждого ориенталиста. Музей стоял для него на первом месте, ему он посвятил всю свою жизнь» [16] — так писал Крачковский в газетном некрологе Розенбергу, а в очерке, ему посвященном [17], представил и научную характеристику, и живой портрет. Сжатую аттестацию Ф. А. Розенберга беру из выступления Алексеева: «Человек вполне европейской и тотоевропейской культуры, синтетического типа. Немец по рождению, француз по культуре, русский по мироощущению. Был против узкой специализации. Это был тип просвещенного ориенталиста, с широким охватом и Востока и Запада... Для него ориентализм был продолжением гармоничного развития его личности, не карьера, не забава, не экзотика» [18, с. 147]. Добавлю еще одну цитату из той же речи Алексеева, посвященной Федору Александровичу: «Деликатный, скромный, застенчивый (застенчивость прикрывал нарочито ворчливым тоном), вежливый до крайностей, но без них — чувство меры во всем». Качества, вышедшие из употребления. Человечество, думается, еще не раз о том пожалеет.

Там, где Атлантов фанцца,
 Проходом услышал:
 «Такое у Чжуан-цзы
 Вчера я отыскал.
 Хотя оно и слепо —
 Но бродит здесь не зря...
 Одежа из Совдепа,
 Мундштук из янтаря...»

У Чжуан-цзы слепое «оно» — образ бесчувственного и бесформенного хаоса (*хунь дунь*). Таким образом, снова мистическое начало Гаджасаны — «нечто Астральное» облекается в соответствующие времени реалии: костюмчик из совдепа и оставшийся от прошлого янтарный мундштук, в который, однако, согласно балладе Алексеева, вставлялись уже не папиросы, а самокрутки: заявившись утром в Музей, «сотрудник subtilный» первым делом выкуривает «разом две-три, а то и четыре крутенки» — Бертельс был заядлым курильщиком.

И вот он у порога,
 Где мусульманский рай.

Глядит: Коранов много.
Ну, значит: «Открывай!
Я жажду Зенд-Авесты!
Лишь в ней найду покой,
О ты, чей тыл, как тесто,
С обритой головой!»

Никто из мною опрошенных не мог с достоверностью сказать, кому в том голодноватом году соответствовало бы сказанное. Как догадку, на которой не настаиваю, предлагаю кандидатуру тюрколога А. Н. Самойловича, который был заметной фигурой не только в Мусульманском отделе, но и во всем АМ. Это был человек общительный и, что называется, свойский, с ним можно было не церемониться — Алексеев, водивший с Александром Николаевичем дружбу, особенно до революции, называет его в своих дневниках не иначе как «Сашка». В дневнике Дьяконовой этому деятелю Азмуза также дается характеристика, говорящая в пользу догадки: «Такой смешной, удивительно добродушный и умеющий обходиться со всеми. Любит рассказывать о своем житье, всегда весел и мил, по-видимому, изрядно легкомыслен, несмотря на профессорское звание иногда до смешного наивен. Любит покушать, хотя больше на счет количества, чем гастрономии, прилежит к возлияниям, хотя, наверно, в пределах должного. Под его фамилией в нашем каталоге бесконечный список трудов».

Дата расстрела А. Н. Самойловича — 13 февраля 1938 г. — почти совпала с датой Щуцкого, раньше на пять дней. Никуда не убежишь от этих совпадений.

И вот Имам с Зухлюлем
Авесту волокут
И под чадрой из тюля
Гаджасане дают.
«Эх ты, моя Авеста!
Истлела — просто страх!
Единственное место
Осталось о быках!
Приемлю тя, невеста,
Как истинный дервиш».
И, прочитав Авесту,
Пустил слезу и... мышь.

Ученик Крачковского В. А. Эберман имел в «Малаке» прозвище Зухлюль, что по-арабски значит «короткошерстый» и служит эпитетом леопарда. Василий Александрович носил короткую стрижку, так что мог бы сойти за «бритоголового», однако второе определение к нему явно не подходит — он был худощав и в балладе Алексеева представлен как «изящный молодчик и паж, предавшийся музе семитской». Паж — так как имел несчастье учиться в Пажеском корпусе (о дальнейшей — соответствующей — его судьбе см. в книге А. А. Долининой [19]). В 21-м году он окончил университет, и Крачковский

сказал о нем: «Мальчик, по-видимому, не без таланта. Что-то из него выйдет?» [19, с. 193].

О быках — в Книге Ясна, гата 29: «Плач души быка».

«И... мышь». Почти во всех опусах-шаржах Бертельса сопровождают мыши или крысы — очевидно, он любил этих зверьков и держал их в доме. В «Юлиане-отступнике» Алексеева уже упомянутый председатель Верьтес «принял нас у себя на квартире в то время, как делал пассы, превращая жарившийся на печке картофель в яичницу. Вокруг печки кроме домочадцев стояли в изобилии крысы, чающие крох». И в балладе «12 часов» видим снова: «...он [Бертельс], в книги уткнувшись свои, там разное ищет перстами», чтобы затем, вечером, «при шуме крысиной кадрили» писать переводы персидской лирики.

IV Брань

Мятежом всколыхнулся Азмуз.
Ежедневно там клики слышны,
Супротив сверхурочных обуз
Восстают Альденбука сыны.
И вмешался Гаджасана тут.
Произнес он погромную речь:
«Альденбук обманул вас, о люд!»
И пошла тут великая сечь.
Бедуина послал Альденбук.
Хорошо говорил Бедуин,
Он су-су-су-сулил ба-бам-бук,
Но не слушал его ни один.

Нельзя, конечно, установить, какие именно коллизии в жизни Музея нашли свое отражение в этой «брани», но понятен их характер, общий для всех институтов во все времена. Однако призыв к мятежу, так сказать, политически активного Гаджасаны и вразумляющий-угрожающий глас Бедуина, сторонника Альденбука и порядка, а равно и реакция на этот глас сотрудников — все это, несомненно, соответствовало реальной расстановке сил.

И премудростью пали забит,
Альденбуком подкупленный Мартака тут ведь вскричал из глубины колодца чувств, грез и ума:
«Mahabhutivasangha hai!
Обаятельны очень уж чрез!
Монгол хеле doch sagt' mir good bay!»
И ответил Гаджасана... «Yes!»

Появляется загадочное имя — Мартака. Его можно было бы по некоторому созвучию ассоциировать с Мартиновичем — в соседствующей с «Памяткой» легендой о трубадурах он — шут Мартинус, но тюрколог Н. Н. Мартинович не знал санскрита, и «премудрость пали»

его не касалась. На ум приходит М. И. Тубьянский (хотя никто не может сказать, что значит Мартака), в чьем языковом наборе были, кажется, все языки. Макароническая абракадабра Мартаки, смесь санскрита (в переводе: «Собрание всех великих элементов да здравствует!») и монгольского с добавлением не то немецкого, не то идиша плюс еще «good bay» на конце — все это говорит в пользу кандидатуры Михаила Израилевича. Несомненно, однако, что Щуцкий и Васильев пародировали тут чьи-то конкретные переводы с такими третьяковскими переносами в словах, и здесь, думается, и следует искать разгадку. А переводы Тубьянского были вполне гладкие, как теперь говорим, нормальные, и это ставит под сомнение его кандидатуру на Мартаку.

Уходя, приподняв воротник,
Хануман огорченно мычал.
Рабби Винера в этот же миг
Альденбук на замену послал.
«И чего вы сидаете тут
И творите пашкидство опять?
А на верхо — да — деньги дают.
Таки можете ви их увзять!»
И едва сногшибательный слух
Возле стен вековых прозвучал —
Как подумал Гаджасана: «Ух!
Здесь я сделать могу капитал!»
Тут Гаджасана вверх поскакал,
Разыгрался Гаджасанин взгляд,
Но раскрыв казначейский журнал,
Он увидел лишь... 3-ий разряд.
Характерный слышался звук,
То в Гаджасане сердце: каюк!
И в Азмуже при Храме наук
Так Гаджасану сверг Альденбук.

Хануман — один из главных героев «Рамаяны» и «Махабхараты», божественная обезьяна, что опять же соответствует внешности Тубьянского. Вопрос о Мартаке-Ханумане остается открытым.

И вот — кульминация и развязка. Появляется Винер, в обязанности которого входила выдача жалованья [4, с. 492], и мятежный Гаджасана мчит в кассу. По 3-му разряду сотрудникам АМ, видать, платили не густо, но Щуцкий и Васильев, имея тот же разряд, относились к этому с меньшей чувствительностью. Особо острая материальная заинтересованность Бертельса (хотя заинтересованы были, как мы это хорошо понимаем, все без исключения), подогревающая его переводческую прыть, отражена и в балладе Алексева: «...с проворством советских анкет он пишет свои переводы. И вот, что неделя, то пуд бумаги, исписанной четко, идет в Моховую и ждет годами пудов гонорара». На Моховой — издательство «Всемирная литература», в котором подвизались почти все задействованные в «Памятке» востоковеды.

V
Серое

По средам и по субботам у Азмуза бродит кто-то,
Кто-то в сером.
Демонстрирует за плату и Ангорским делегатам,
И Аскерам.
По средам и по субботам на лице его забота
Бесконечна...
Удрученно и печально бродит в образе Астральном
Безупречно.
По средам и по субботам, прислонив главу к воротам,
Там, где мыши,
Как Мулла на минарете, зазывая тех и этих,
Ждет бакшиша.

Последняя глава — эпилог, суммирующий все выше просмеянное. Некто в сером — символическая фигура в пьесе Леонида Андреева «Человек», которая была у всех на слуху. Но кроме того, серыми были в своем подавляющем большинстве и «одежки из совдепа». По средам и по субботам, очевидно, шли экскурсии по выставкам АМ, которые оплачивались особо, так что был какой-то «бакшиш». Аскеры — турецкие солдаты, Ангора — древнее название Анкары. Может быть, была какая-то турецкая делегация, а может быть, красноармейцы-среднеазиаты посетили Музей в порядке культмассового похода. И снова — «в образе Астральном», и снова — мыши, как черный пудель при Мефистофеле.

* * *

Смех — дело, как известно, серьезное, и «Памятка» тому подтверждение. Однако предвижу возможное недоумение некоторых читателей: стоило ли публиковать этот пустячок, хоть и явно талантливый, но все же треп, как говорили мы в наши студенческие годы, а теперь говорят — прикол. Какая цена этой юмористике, столь обычной для студенческих компаний и к тому же привязанной к событиям давно минувшим и людям забытым? Воспоминание о 20-х годах и только? Мне и самой поначалу так казалось, но появилось желание решить «кроссворд» — раскрыть намеки, угадать лица. И стали открываться все новые грани, шарж обернулся магическим кристаллом, отразившим жизнь неповторимого АМ, его быт и дух, срез эпохи с элементами предвидения, ледящего душу наперекор всем резонам.

Простившись с «Памяткой» — с 23-летним Юлианом Щуцким, вернемся к его 100-летию. Имя Щуцкого — из самых известных востоковедных имен, потому как неразрывно связано со знаменитым «Ицзином». Перевод-исследование «Китайская классическая „Книга перемен“» Алексеев назвал научным подвигом, но сводить к нему все содеянное Щуцким было бы ошибкой. Можно сказать: «Ицзин» Щуцкого это очень много, но это не весь Щуцкий, и наглядным тому под-

Пути Тагнасане ввезд покаркан,
Душмане Тагнасанеи везе,
Но вое криве казногесит журнал —
Он убидеи мим... Вит разряд
Сарагтерной пошмансе звук
То в Тагнасане серже: как!
И в Адузе при краше таур
Маа Тагнасане свери Антендук.

Серже
До средам и по субботам у Адузе бродит кто-то
Кто-то в серже!
Демоной рирует за плату, и Антореким делегатам
А Аекер ам.
До средам и по субботам на лице его — забота
Бескознена...
Удрученно и печально бродит в образе астранима
Безустремно.
До средам и по субботам, при сионив мануе врагам
Там, где мими,
Как миме на минарете зовивая термити,
Идет так ш и ш а.

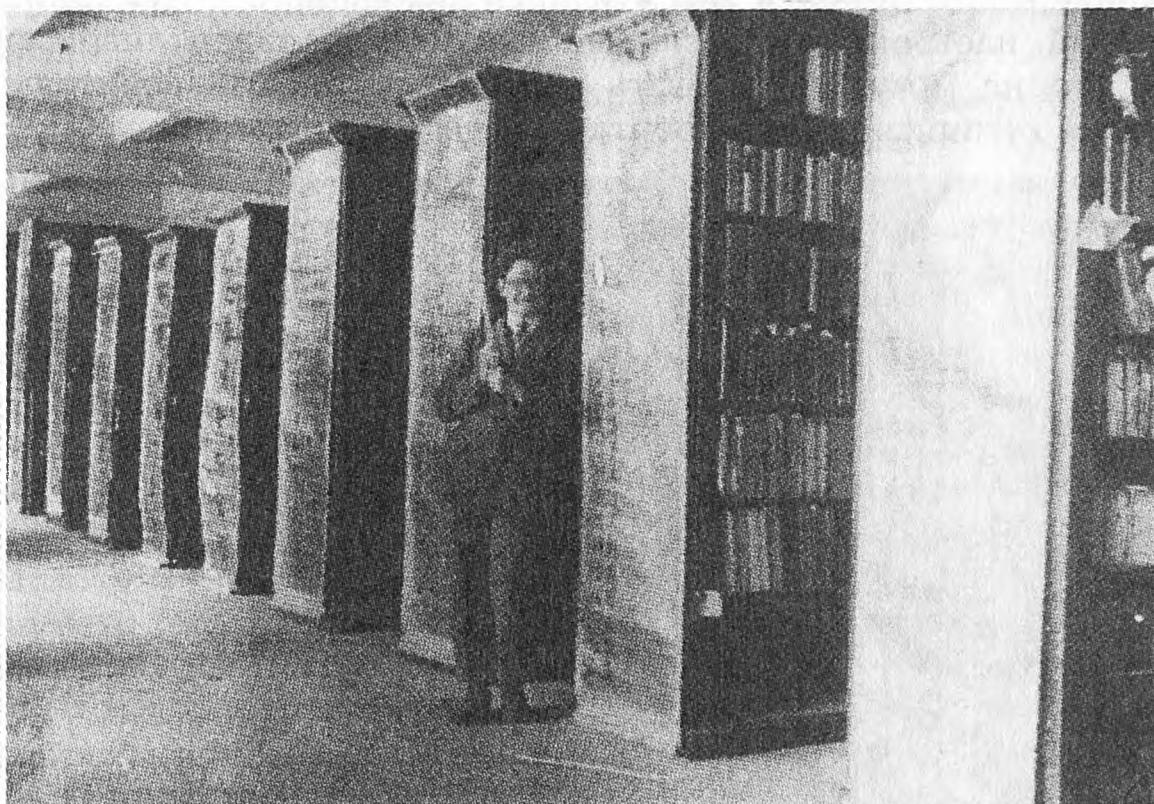
1921

Последняя страница рукописи Ю. К. Щуцкого и Б. А. Васильева

тверждением явится посвященная ему книга, которая готовится к изданию и, дай Бог, увидит свет в не самом далеком будущем. В книгу прежде всего войдут давние, никогда не переиздававшиеся статьи, а также те, что лишь недавно извлечены из архивных захоронений.

Как я не раз убеждалась, не всем, даже востоковедам, известно, что «Ицзин» рассматривался как первый необходимый этап, подступ к намеченному пути — серии исследований памятников древней и сред-

невековой китайской философии. В Отчете о научно-исследовательской работе ИВ за 1937 г. зафиксировано: «...в пересмотренном плане Ин-та в результате выбытия (в связи с арестами) 10 сотрудников 14 тем автоматически были сняты с плана» [18]. В числе этих четырнадцати — заявленные Щуцким на один лишь 37-й год переводы Лао-цзы и Хуайнань-цзы. Однако особый, можно сказать, личный интерес вызывали у него, по собственному признанию, сочинения сунских неоконфуцианцев: неортодоксальность их онтологических представлений оказалась близкой собственным антропософским взглядам [8]. Собранные вместе печатные и неизвестные статьи дают основания для попытки реконструировать взгляды Щуцкого на историю китайской философской мысли, глубоко оригинальные и, конечно, опережавшие время.

Ю. К. Щуцкий в Азиатском музее. Фото В. М. Алексеева

Кроме научных статей, в сборнике будут представлены переводы Щуцкого, прежде всего — «Антология китайской лирики. VII—IX вв. по Р. Х. Переводы в стихах Ю. К. Щуцкого», изданная в 1923 г. крохотным тиражом. Предисловию В. М. Алексеева будет предшествовать статья Л. Н. Меньшикова, дающая современный анализ переводческого стиля Щуцкого. Новинками явятся затерявшиеся в архивах, никому неизвестные переводы с китайского и монгольского, а также его вполне серьезные, в отличие от «малакских», стихи, написанные опять же в паре с Васильевым — на одну и ту же тему, но уже сепаратно. Включенные в сборник, к сожалению, немногие числом письма Щуцкого передают, пожалуй, лучше всего ту удивительную гармонию, с которой сочетались в его личности научная устремленность и душевная проникновенность. Будут, надеюсь, воспроизведены и образцы каллиграфии Щуцкого, сохраненные Алексеевым.

Вторую часть книги составят посвященные Щуцкому публикации, среди которых на первом месте воспоминания его племянницы Марии Николаевны Соловьевой, представляющие собой повесть из отдельных рассказов. Племянница Мака была из тех редких детей, которым не скучны разговоры взрослых, и ее четкая память удержала многое, к чему добавились рассказы матери — Галины Константиновны Соловьевой (Щуцкой), связанной с братом не только родством, но и глубокой созвучностью натур. Дядя Юляка в воспоминаниях племянницы лишь один из персонажей, однако по всему ясно, что голос его звучал камертоном, задавая какой-то поистине музыкальный тон жизни десяти очень разных людей, членов обеих семей — Щуцких и Соловьевых, обитавших в большой, несуразной и холодной квартире 2 в доме 9 на Офицерской, ставшей затем улицей Декабристов. Домашний быт и духовный настрой, воссозданные несомненно талантливой рукой, таковы, что не могут не вызвать вздох зависти, оздоровительной в наше время кумирозации комфорта и общего испошления.

Чашепитие в Азиатском музее. Ю. К. Щуцкий, Е. Э. Бертельс, К. К. Флуг;
стоит А. Н. Генко. Фото В. М. Алексеева

В целом своде, хочется сказать, в толпе личностей, составлявших окружение Щуцкого, много известных имен, лиц мало и совсем неизвестных, но равно участвовавших в создании истинного оазиса интеллигентности. Окружающая действительность — время вползала в этот оазис щупальцами гигантского осьминога. 3 августа — день ареста дяди на даче в деревне Питкелево — сохранилось в памяти потрясенной девочки с подробностями, ранящими душу, как кадры Тарковского.

Закрывающая повесть Соловьевой глава «Следственное дело № 23561» — конспект документов, выданных Марии Николаевне в

Большом доме в 1990 г., осмысленных и прокомментированных ею, человеком помнившим и чувствовавшим Юлиана Константиновича. По ее словам, она пыталась «приоткрыть завесу над последней ступенью страшной судьбы», стараясь понять, в чем заключалось «дело» и где «среди цепи лживых документов, надуманных следствием вопросов и ответов, могли оказаться подлинные слова Юлиана Константиновича». 45 машинописных страниц читаются как трагический детектив, а вернее — «двадцать четвертая драма Шекспира», одна из столь многих, схожих по сценарию и неповторимых по действующим лицам.

Сценарий, который явственно проступает в протоколах допросов, сводился к раскрытой в Ленинграде «подпольной анархо-мистической террористической организации Орден тамплиеров»: ленинградский НКВД не мог отстать от Москвы, где, как говорится в обвинительном заключении по «делу» Щуцкого, «НКВД обнаружил и ликвидировал террористическую мистическую анархо-контрреволюционную группу». Стало быть, в Ленинграде должен был быть ее филиал. Таким и стал — по сценарию — «Орден тамплиеров». Средневековые легенды стали фигурировать в обвинениях как антисоветские и даже «подрывные» тексты — за отсутствием других «вещественных доказательств», т. е. оружия, которое упорно, обыск за обыском, искали в квартирах арестованных. Чтение этих легенд оказалось подготовкой к террору.

В разработке сценария, по мнению Соловьевой, участвовали какие-то полуобразованные старатели, нахватавшиеся того-сего из учебников и романов и смешавшие в одно антропософию с теософией, йогой и прочей враждебной советскому строю мистикой. Эту мешанину пытался поначалу распутать Щуцкий, не понимая, что от него требуются только признания: кем был завербован, кого завербовал сам — поименно и числом поболее. Тоска видеть попытки Щуцкого объяснить принципы антропософии и анархомистицизма, когда требовалась только подпись под протоколом — страницей сценария, конец которого был, судя по всему, предусмотрен с самого начала — ЛенУНКВД выполнял план по расстрелам.

Идеи анархомистицизма, обращение к мистике тамплиерских легенд, несомненно, были близки Щуцкому. Однако Юлиан Константинович — глубокий антропософ, один из самых, может быть, преданных Рудольфу Штейнеру последователей, и уже поэтому причастность к какой-либо группе или организации анархомистиков, относившихся к Штейнеру отрицательно и даже враждебно, была для Щуцкого невозможна.

Мучительно видеть, читая протоколы допросов, что верный своим антропософским установкам Щуцкий говорит с нелюдью из какого-то другого измерения в мире сем, как с людьми. Соловьева приводит свидетельство А. Д. Лебедева, друга семьи Щуцких, сидевшего в одной с Юлианом Константиновичем тюрьме, но затем отбывшего ссылку и вернувшегося: «Тяжелее всего было там доверчивым. Надо было протестовать, нельзя было ни в чем надеяться на следователей. А Юлиан говорил чистосердечно, думая, что следователь может его по-

нять». Лебедев рассказывал, что следователь давал ему почитать исписанные Щуцким листы — «это был сущий роман», и недоумевал, зачем надо было писать так много. По мнению Марии Николаевны — просто для того, чтобы получить передышку: пока пишешь, можешь сидеть. «Роман на многих страницах» — последний плод безотказной, даже в тех условиях не отказавшей Щуцкому фантазии. Быть может, вернулось к нему даже чувство увлечения и напомнило давнее — увлечение, с которым творили свою «Памятку» «двое из Атлантов, тайком удравших из могил». Если вспомнил, должен был содрогнуться, хотя и не знал ничего о судьбе атланта Васильева, да и свою мог только смутно предчувствовать — уж слишком невероятной была мысль о расстреле за честно высказанные взгляды, далекие от какой-либо политической борьбы. «Роман» не сохранился, во всяком случае, в «деле» его не оказалось. Очевидно, вопреки заверениям Воланда, рукопись сгорела вместе с тоннами бумаг, которым не хватало — и не могло хватить — места в адских канцеляриях НКВД.

О том, что было содержанием «романа», Лебедев, видимо, не говорил, иначе Соловьева привела бы, конечно, его рассказ. Скорей всего, Щуцкий пытался объяснить сущность тамплиерства, реабилитировать средневековые легенды своими пересказами и интерпретациями. Юлиан Константинович оставался самим собой — пока его не окончательно расчеловечили.

Протокол, пишет Соловьева, разумеется, не отмечает, когда происходили так называемые физические воздействия, но бросающийся в глаза переход от одного типа показаний к совершенно другому говорит о многом. И дальше, по тексту Соловьевой: «В "деле" не сохранилось "собственных заявлений", но даже подпись на листах протоколов для графолога могла бы многое объяснить. На первом допросе это знакомая рука, с нажимом, размашистые петли у букв, взлетающие окончания, а на втором — в исправлении слова "тамплиерский" переправлено несколько букв и так размазано, что не прочесть. Вряд ли это сделал человек в здравом сознании». У Щуцкого и Лебедева был общий следователь Манейско, по словам Лебедева, — зверь, на которого зэки писали жалобы даже потом, из лагерей. Он приносил в камеру, в которой сидел Лебедев, протоколы допросов Щуцкого и хвастал: «Один раз тряхнули, он и раскололся».

Булгаковский кентурион Марк Крысобой в своей троглодитской статье не так омерзителен, как помощник начальника 5-го отделения 4-го отдела УГБНКВДЛО лейтенант госбезопасности Манейско. Михаил Золотонос в статье о Шаламове говорит скупно и страшно: «Этот ад — место, где обнаруживается последняя правда о человеке... сдавшийся, безвольный, бессильный раб, у которого удалена всякая способность к протесту... распластаный, способный только подчиняться...» [21].

В 1935 г. — в том самом году, когда, согласно зафиксированному в протоколе допроса «признанию», он, Щуцкий, был «завербован», —

Юлиан Константинович писал в своем «Жизнеописании»: «Рудольф Штейнер указывал на критическую дату в развитии современности, на годы, начинающиеся 1935 годом, когда постепенно и для все большего количества подготовленных людей в духовной жизни произойдет событие такой же важности, как Мистерия Голгофы, но на этот раз лишь в сфере самосознания, ибо физически Голгофа нигде и никогда не повторима» [8, с. 58]. Но — повторилась, для всех, кому выпало «всходить Голгофою» по стертým ступеням, вниз, в подвалы.

Обвинительное заключение, подписанное Щуцким, пышет торжеством победителей, насколько может это выразить сухой, к тому же безграмотный, документ. И это при том, что «вещественных доказательств по делу нет». 17 февраля 1938 г. Прокурор СССР А. Я. Вышинский утвердил обвинительное заключение.

Все повторилось, все так и было в 33-м от Рождества Христова году. Прокурор СССР — Прокуратор Иудеи. Понтий Пилат поднят Булгаковым по великому принципу «нас возвышающего обмана». Анатолий Франс («Прокуратор Иудеи») ближе к истине, пусть «низкой»: престарелый, греющийся на солнышке Понтий в разговоре с подошедшим патрицием честно старается вспомнить иудея Иисуса из Назарета, которого он когда-то приговорил к казни, старается вспомнить и не может: «Нет, не помню». Андрей Януарьевич Вышинский, занимавший в преклонные годы руководящие посты в МИД СССР, можно не сомневаться, не стал бы напрягать свою, как говорят, феноменальную память ради какого-то Щуцкого из Института востоковедения.

Суд 18 февраля 1938 г. «Щуцкий Ю. К. признал обвинение... В последнем слове обвиняемый просил суд дать возможность искупить вину». Где-то вблизи — и во времени, и в пространстве — писались строки: «А ты бы меня отпустил, игемон, — неожиданно попросил арестант, и голос его стал тревожен, — я вижу, что меня хотят убить».

Приговор по ст. 58—8, 11 — ВМН. «Приговор приведен в исполнение».

Следующий документ — стандартная справка о реабилитации от 27 марта 1958 г.: «дело прекращено за отсутствием состава преступления». К чему, думается, считать миллионы и спорить о том, сколько этих миллионов было, когда одной этой загубленной жизни достаточно, чтобы проклясть государственную систему, при которой возможно такое.

Мартиролог, который скупно, но все же продолжает печатать «Вечерний Петербург», дошел до 14-й тысячи расстрелянных в 1937—1938 гг. и сваленных в рвы на Левашовской пустоши. В опубликованных списках были уже названы восемь имен из двенадцати, упомянутых в начале публикации. До Щуцкого очередь еще не дошла, но 14 тысяч — это только начало, и далеко еще до полного перечня тех, чьими останками была заполнена пустошь, тех, кто не больше нас с вами повинен в преступлениях и не меньше нас с вами хотел жить. Где-то в сыром земляном мраке таятся меж костей и корней не подле-

жащие тлению кудри — «непокорные вихры», как писал Алексеев, рифмуя «вихры» и «фры». В те, 20-е.

Проезжая туда-сюда на электричках мимо станции Левашово, не забывайте, люди, преклонить головы.

Индекс имен

Алексеев Василий Михайлович (1881—1951) — китаевед, акад. АН СССР (1929).

В АМ — второй старший ученый хранитель, зав. отделом Китая и Кореи.

Алексеева Наталия Михайловна (1890—1973) — сотрудница АМ с 1918 по 1929.

Жена В. М. Алексеева.

Бартольд Василий Владимирович (1869—1930) — востоковед, д. чл. Петербургской АН (1913). Зав. отделением исторических и географических рукописей, а также нумизматическим отделением АМ.

Белодубровский Евгений Борисович (р. 1941) — литературовед и культуролог.

Бертельс Евгений Эдуардович (1890—1957) — иранист и тюрколог, чл.-корр. АН СССР (1939). Зав. отделом АМ, затем ИВ. Гос. премия СССР (1948).

Брядов Дмитрий Алексеевич (1867—1937) — служитель АМ, фотограф.

Васильев Борис Александрович (1899—1937) — китаевед, сотрудник АМ, затем ИВ.

Васильков Ярослав Владимирович (р. 1943) — индолог, зав. сектором в СПбФ ИВ РАН.

Винер Самуил Ефимович (1860—1923) — гебраист, ученый хранитель еврейского рукописного и книжного фонда АМ.

Владимирцов Борис Яковлевич (1884—1931) — монголовед, акад. АН СССР (1929). В АМ — зав. тибетским и монгольским фондами.

Воробьев Павел Иванович (1892—1937) — маньчжуровед, китаевед, монголовед, зам. дир. ИВ.

Вышинский Андрей Януарьевич (1883—1954) — юрист и дипломат, акад. АН СССР (1939), ген. прокурор СССР.

Генко Анатолий Несторович (1896—1941) — кавказовед, сотрудник АМ, затем ИВ.

Гинцбург Иона Иосифович (1871—1942) — гебраист, сотрудник АМ, затем ИВ.

Долинина А. А. (р. 1923) — арабист, проф. СПбГУ.

Дьяконова Н. М. — см. Алексеева Н. М.

Елисеев Сергей Григорьевич (1889—1975) — японист, сотрудник-хранитель АМ с 1917, зав. японским фондом; эмигрировал в 1920.

Ернштедт Петр Викторович (1890—1966) — эллинист и коптовед, чл.-корр. АН СССР (1946).

Жуков Дмитрий Петрович (1904—1937) — японист-историк, сотрудник ИВ, зав. сектором истории культур и искусств Востока в ГЭ.

Залеман Карл Германович (1849—1916) — иранист, дир. АМ с 1890 по 1916.

Золотоносов Михаил Надбалиевич (р. 1954) — литератор, публицист.

Ильвес Гильда Иогановна (1901—1937) — тюрколог, работала в РНБ.

Лебедев Алексей Дмитриевич (1886—?) — химик, проф.

Лурье Соломон Яковлевич (1890—1964) — историк, античник и семитолог.

Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — арабист, акад. РАН (1921), зав. арабским отделом АМ.

Мантани-Невская Исоко (1902—1937) — приехала из Японии к мужу Н. А. Невскому в 1933, преподавала яп. разговорный язык.

Марр Николай Яковлевич (1864—1934) — кавказовед и лингвист, чл. Петербургской АН с 1912, в АМ — зав. отделом Кавказа.

- Мартинovich Николай Николаевич (1889—1939) — тюрколог; в 1920-е эмигрировал.
- Мартынов Александр Степанович (р. 1933) — китаевед, зав. сектором в СПбФ ИВ РАН.
- Меньшиков Лев Николаевич (р. 1926) — китаевед, зав. группой дальневосточной текстологии в СПбФ ИВ РАН.
- Мори Миноро (1908—1937) — уроженец г. Иокогама, гражданин СССР, референт Музея истории религии.
- Невская Елена Николаевна (р. 1928) — врач-педиатр, дочь Н. А. Невского.
- Невский Николай Александрович (1892—1937) — японист, исследователь языков и культуры народов Дальнего Востока, основатель тангутоведения, сотрудник ИВ с 1930. В 1962 посмертно присуждена Ленинская премия.
- Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — индолог и буддолог, экстраординарный акад. Петербургской АН с 1903, ординарный — с 1908. Непрем. секретарь Академии с 1904 по 1929. Дир. АМ с 1916, зав. Азиатским архивом и Индийским собранием.
- Перченoк Феликс Федорович (1931—1993) — преподаватель, историк.
- Понтий Пилат — рим. наместник Иудеи в 26—36.
- Пухов Василий Сергеевич (Хуан-цзе, Хо Фу) (1908—1937) — уроженец Кантона, преподавал кит. разговорный язык.
- Розенберг Федор (Фридрих) Александрович (1867—1934) — иранист, чл.-корр. РАН (1923), старший ученый хранитель АМ, зав. отделом Ирана.
- Салье Михаил Александрович (1899—1961) — арабист, переводчик «1001 ночи».
- Самойлович Александр Николаевич (1880—1938) — тюрколог, акад. АН СССР (1929), сотрудник АМ, зав. отделом «Турки». Дир. ИВ с 1934 по 1937.
- Соловьева Мария Николаевна (1926—1991) — преподаватель англ. языка.
- Соловьева (Щуцкая) Галина Константиновна — театровед, преподаватель Театрального ин-та.
- Тубянский Михаил Израилевич (1893—1937) — индолог, тибетолог, монголовед, сотрудник АМ, затем ИВ.
- Тураев Борис Александрович (1868—1920) — востоковед и историк Дальнего Востока, акад. РАН (1918). Зав. отделением коптских, сирийских и самаретянских рукописей АМ.
- Тэн Хан-лин (1907—1937) — китаевед-лингвист, преподавал кит. разговорный язык.
- Флуг Константин Константинович (1893—1942) — китаевед, историк, лексикограф, сотрудник АМ, затем ИВ.
- Фрейман Александр Арнольдович (1879—1968) — иранист, чл.-корр. АН СССР (1928).
- Хван Иван Петрович (Маруя Нагахана) (1902—1937) — преподаватель яп. языка в ЛИФЛИ и ЛВИ.
- Чикирисов Василий Ефимович (1907—1937) — китаевед, окончил Ин-т ориентальных наук в Харбине. В 1936 переведен в ЛВИ¹.
- Щербатской Федор Ипполитович (1866—1942) — индолог и буддолог, акад. РАН (1918).
- Щуцкий Юлиан Константинович (1897—1938) — китаевед, филолог, историк, с 1920 — сотрудник АМ, затем ИВ.
- Эберман Василий Александрович (1898—1937) — арабист, сотрудник АМ.
- Эрлих Рогнеда Леонидовна (1900—1930) — арабистка, классицистка.

¹ О специальном приказе Ежова, касающемся возвратившихся в СССР харбинцев, см. ст. А. Богатых [22].

Литература и источники

1. *Васильков Я. В., Гришина А. М., Перченко Ф. Ф.* Репрессированное востоковедение: Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 113–125; № 5. С. 96–106.
2. *Баньковская М. В.* «Малая академия» в Азиатском музее // Там же. 1985. № 3. С. 139–152.
3. *Баньковская М. В.* Малак — литературные вечера востоковедов, 1920-е годы // Традиционная культура Китая: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения акад. В. М. Алексеева. М., 1983. С. 119–126.
4. *Долинина А. А.* Легенда Азиатского музея // Петербургское востоковедение. 1994. Вып. 5. С. 487–494.
5. *Алексеев В. М.* Наука о Востоке: Ст. и документы. М., 1982.
6. Азиатский музей Российской Академии наук, 1818–1918: Краткая памятка. Пб., 1920.
7. *Алексеев В. М.* Мысли по поводу порядков Азиатского музея. — Архив востоковедов ИВ РАН, ф. 152, оп. 1-а, № 64.
8. *Щуцкий Ю. К.* Жизнеописание // Китайская классическая «Книга перемен». 2-е изд. М., 1993. С. 55–60.
9. *Крачковский И. Ю.* Над арабскими рукописями. М.; Л., 1948.
10. *Брядов Д. А.* Письмо С. Ф. Ольденбургу. — СПбФ АРАН, ф. 2, оп. 1-а — 1920, № 9.
11. *Баньковская М. В.* Книги и люди: (Из жизни Азиатского музея) // Народы Азии и Африки. 1986. № 3. С. 133–146.
12. *Смирнов И. С.* Рец. на кн.: В. М. Алексеев. Наука о Востоке: Ст. и документы. 1982 // Там же. 1984. № 1. С. 154–158.
13. *Генко Г. А.* Дело № 3433–41 на Генко Анатолия Несторовича: Уроки гнева и любви // Сб. воспоминаний о годах репрессий (20–80-е гг.). Вып. 3. СПб., 1992. С. 61–69.
14. *Васильков Я. В.* Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского // Восток—Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989. С. 187–223.
15. *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики // Избр. соч. в 5 т. Т. 5. М.; Л., 1958.
16. *Крачковский И. Ю.* Ф. Розенберг, 1.III.1867–5.VI.1934 // За социалистическую науку. 1934. № 16 (60). 19 июня. С. 4.
17. *Крачковский И. Ю.* Федор Александрович Розенберг (1.III.1867–5.VI.1934): Некролог // Изв. АН СССР. VII серия ООН (1935). 1936. № 10. С. 895–911.
18. *Баньковская М. В.* Люди и книги // Народы Азии и Африки. 1986. № 6. С. 145–161.
19. *Долинина А. А.* Невольник долга. СПб., 1994.
20. Отчет о научно-исследовательской работе ИВ за 1937 г. с объяснительной запиской. — СПбФ ИВ РАН, Архив востоковедов, ф. 152, оп. 1-а, № 496, л. 11.
21. *Золотоносов М.* Шаламов, вернувшийся за нами. Заметки к 90-летию // Вечерний Петербург. 1997. № 113 (21064). 18 июня.
22. *Богатых А.* Презумпция виновности: Трагическая судьба бывших харбинцев в России // Невское время. 1997. 20 августа.